

Вот городок в несколько тысяч жителей, среди полей пшеницы и кукурузы, молочных ферм и рош. Это — Америка.

В нашем рассказе городок называется Гофер-Прери, штат Миннесота. Но его Главная улица — это продолжение Главной улицы любого другого городка. История наша была бы той же в Огайо или Монтане, в Канзасе, Иллинойсе или Кентукки, и немногим изменилась бы она в штате Нью-Йорк или на холмах Каролины.

Главная улица — вершина цивилизации. Для того, чтобы этот «форд» мог стоять перед галантерейным магазином, Ганнибал вторгнулся во владения римлян и Эразм писал свои трактаты в монастырях Оксфорда. То, что бакалейщик Оле Йенсон говорит банкиру Эзре Стоубоди, должно быть законом для Лондона, Праги и никому не нужных островов, затерянных в океане. То, чего Эзра Стоубоди не знает и не одобряет, — это ересь, которую не к чему знать и над которой не подобает размышлять. Наша железнодорожная станция — высшее достижение архитектуры. Годичный оборот Сэма Кларка, торговца скобяным товаром, — предмет зависти всех четырех округов, составляющих Благословенный край.

Во «Дворце роз» идут утонченно-чувствительные фильмы; в них есть мораль и благопристойный юмор.

Таковы основы наших здоровых традиций; таков наш незыблемый символ веры. И разве не выказал бы себя чуждым американскому духу циником тот, кто изобразил бы Главную улицу иначе или смутил граждан предположением, что возможен и иной символ веры?

ГЛАВА ПЕРВАЯ

I

На одном из холмов над Миссисипи, где два поколения назад кочевали индейцы чиппева, стояла девушка. Ее фигура четко вырисовывалась на фоне василькового северного неба. Индейцев она уже не видела. Она видела мукомольные заводы и мерцающие окна небоскребов в Миннеаполисе и Сент-Поле. Она не думала ни об индианках, ни о краснокожих носильщиках, ни о белых скупщиках пушнины, чьи тени витали вокруг нее. Мысли ее были об ореховой пастиле, о пьесах Брис, о том, почему стаптываются каблуки, и о том, что преподаватель химии обратил внимание на ее новую, закрывающую уши прическу.

Ветер, пролетавший тысячи миль над возделанными нивами, раздувал на ней юбку из тафты, создавая линии столь грациозные и полные такой живой и динамичной красоты, что сердце случайного наблюдателя на дороге сжалось бы от задумчивой грусти при виде этой воздушности и свободы. Она подняла руки, откинулась назад под ветром; ее платье развевалось и трепетало, из прически выбилась прядь волос. Девушка на вершине холма. Доверчивая, восприимчивая, юная. Впивающая воздух с такой же жадностью, с какой она готова была впитывать жизнь. Извечная грустная картина чего-то ожидающей молодости.

Это Кэрол Милфорд, убежавшая на часок из Блджет-колледжа.

Дни пионеров, дни сельских красоток в капорах и медведей, которых убивали на вырубках топорами, ушли в про-

шное еще дальше, чем Камелот. И теперь дух этой мятушейся страны, которую называют американским Средним Западом, олицетворяет своенравная девушка.

II

Блоджет-колледж находится на окраине Миннеаполиса. Это оплот здоровой религиозности. Он все еще борется с новомодными ересями Вольтера, Дарвина и Роберта Ингерсолла. Благочестивые семьи Миннесоты, Айовы, Висконсина, Северной и Южной Дакоты посылают сюда своих детей, и Блоджет оберегает их от развращающего влияния университетов. Из его стен вышло много милых девушек, молодые люди — любители пения и даже одна учительница, которой нравятся Мильтон и Карлейль. Так что четыре года, которые провела здесь Кэрол, не пропали даром. Небольшие размеры школы и малочисленность соперников позволяли ей свободно проявлять свою опасно многостороннюю натуру. Она играла в теннис, устраивала скромные вечеринки, участвовала в специальном семинаре по изучению драмы, флиртовала, состояла членом десятка обществ, занимавшихся разными искусствами и усвоением тех сложных вещей, которые называются «общей культурой».

В ее группе были две или три девушки красивее ее, но не было ни одной более увлекающейся. Она выделялась усердием и в занятиях, и в танцах, хотя среди трехсот студентов Блоджета многие отвечали лучше или танцевали бостон более плавно. Каждая клеточка ее тела — тонкие запястья, нежная, как айвовый цвет, кожа, наивные глаза, черные волосы — все это было полно жизни.

Другие девушки в дортуаре удивлялись ее миниатюрности, когда видели ее в неглиже или выбегающей из-под душа. Тогда она казалась вдвое меньше, чем можно было предположить, прямо хрупкий ребенок, нуждающийся в бережной заботе и ласке. «Неземная натура, — шептали

о ней подруги. — Утонченная душа». Но она сама излучала столько энергии, так смело и уверенно тянулась навстречу всему доброму и светлому, что была куда подвижнее и неутомимее тех неуклюжих девиц в рубчатых шерстяных чулках на толстых икрах и синих спортивных костюмах, которые с топотом скакали по гимнастическому залу на тренировках Бюджетской женской баскетбольной команды.

Даже когда она бывала утомлена, ее темные глаза внимательно следили за окружающим. Она еще не знала, как бессознательно жесток и высокомерно туп может быть мир, но если бы ей и пришлось столкнуться с этими его мрачными свойствами, ее взгляд не стал бы от этого ни скучным, ни угрюмым, ни слезливо-страстным.

Несмотря на всю восторженность Кэрл, несмотря на ее привлекательность, в нее хоть и влюблялись, но побаивались ее. Даже когда она с особым увлечением пела гимны или замышляла какую-нибудь выходку, она все-таки сохраняла вид слегка надменный и скептический. Правда, она была доверчива — прирожденная обожательница героев; но она непрестанно все проверяла и исследовала. Чем бы она ни стала в дальнейшем, она никогда не будет пассивной.

Разнообразие ее интересов постоянно заводило ее в тупик. По очереди она открывала в себе то замечательный голос, то талант к игре на рояле, то драматические способности, то писательские, то организаторские. Она неизменно разочаровывалась, но всегда воспламенялась снова и увлекалась то студентами-добровольцами, готовившими себя в миссионеры, то писанием декораций для драматического кружка, то хлопотами о рекламе для издававшегося в колледже журнала.

Особенно неотразима она была однажды в воскресенье, когда играла в церковном оркестре. Из глубины сумрака ее скрипка подхватывала тему органа, и отблеск свечей обрисовывал девушку в ее прямом золотистом платье, со смычком в изогнутой руке, со строго сжатыми

губами. В тот день все мужчины были увлечены религией и Кэрл.

На последнем курсе она стала всерьез задумываться над тем, как все ее многочисленные начинания и частичные успехи могли бы пригодиться ей в будущей карьере. Каждый день на ступенях библиотеки или в зале главного здания колледжа студентки толковали о том, что они будут делать по окончании курса. Девушки, которые были уверены, что им просто предстоит выйти замуж, с серьезным видом рассуждали о шансах на успех в деловом мире. Те же, которые знали, что им придется работать, намекали на мифических женихов. Что касается Кэрл, то она была сирота. Единственной близкой ее родственницей была сестра, слащавая особа, жена оптика из Сент-Пола. Большую часть денег, оставшуюся от отца, Кэрл уже истратила. И она не была влюблена, то есть влюблялась нечасто и ненадолго. Она собиралась жить своим трудом.

Но что это будет за труд, как она завоюет мир — главным образом для блага самого мира, — ей было неясно. Большинство еще не помолвленных девушек предполагали пойти в учительницы. Их можно было разделить на два разряда: на легкомысленных молодых особ, заявлявших, что они бросят «мерзкую классную комнату и чума-зых детей» в ту же минуту, как им представится случай выйти замуж, и на прилежных дев, широкобровых и пучеглазых, которые во время молитвы просили Бога «направить их стопы по стезе полезного служения». Ни те ни другие не привлекали Кэрл. Первые казались ей неискренними (в ту пору это было ее излюбленным словечком). Серьезные же девицы своей верой в спасительную роль латинской грамматики могли, по ее мнению, наде- лать зла не меньше, чем добра.

Несколько раз на последнем курсе Кэрл окончательно решала то изучать юриспруденцию, то писать кино-сценарий, то сделаться сестрой милосердия или же выйти замуж за неведомого героя.

Потом ее коньком стала социология.

В колледже появился новый преподаватель социологии. Он был женат и поэтому «табу»; но он приехал из Бостона, он жил среди поэтов, социалистов, евреев и меценатствующих миллионеров в университетском квартале Нью-Йорка, и у него была красивая, белая, сильная шея. Он водил хихикающий класс по тюрьмам, благотворительным учреждениям и конторам по найму в Миннеаполисе и Сент-Поле. Бредя в хвосте группы, Кэрол возмущалась бестактным любопытством других, их манерой разглядывать бедняков, как зверей в зоологическом саду. Поднеся руку ко рту, она больно пощипывала нижнюю губу, сердясь и с удовольствием ощущая себя не такой, как другие, а истинной поборницей свободы.

Ее однокурсник Стюарт Снайдер, неглупый плечистый парень в серой фланелевой рубашке, порывистом черном галстуке бабочкой и форменной зеленой с красным фуражке, проворчал, когда они плелись за другими по грязи скотных дворов Сент-Пола:

— Надоело мне это школьное дурачье. И чего они так задаются! Поработали бы на ферме, как я! Даже эти рабочие выше их на целую голову.

— А я люблю простых рабочих, — оживилась Кэрол.

— Только вы не должны забывать, что простые рабочие вовсе не считают себя «простыми»!

— Вы правы. Извините!

Кэрол подняла на него глаза, сиявшие восторгом самоуничтожения.

Ее глаза с любовью взирали на мир. Стюарт Снайдер покосился на нее. Он порывисто сунул в карманы свои большие кулаки, потом так же порывисто выдернул их обратно, наконец решительно разделался с ними, заложив руки за спину, и пробормотал, запинаясь:

— Я знаю. Вы понимаете людей. А большинство наших... Послушайте, Кэрол, вы могли бы много сделать для людей.

— Как?

— М-м-м... ну, скажем... проявляя к ним сочувствие и вообще... если бы вы... например, если бы вы были же-

ной адвоката. Вы понимали бы его клиентов. Вот я собираюсь стать адвокатом. Я готов признать, что иногда у меня не хватает сочувствия к другим. Я бываю с людьми до того нетерпелив, что еле переношу весь этот балаган. Вы были бы счастьем для слишком серьезного по натуре человека. Вы сделали бы его более... как бы это сказать... более отзывчивым!

Его слегка выпяченные губы и глаза мастифа умоляли ее позволить ему продолжать. Но она уклонилась от его слишком бурных излияний, воскликнув:

— Взгляните-ка на этих несчастных овец! Ведь их тут целые миллионы.

И она поспешила вперед.

Стюарт не интересовал ее. У него не было красивой белой шеи, и он никогда не вращался в среде знаменитых реформаторов. Ей вдруг захотелось жить где-нибудь в предместье, в келье, как монахини, — только чтобы не надо было носить черную рясу, — быть доброй, читать Бернарда Шоу и усиленно просвещать целую армию благодарных бедняков.

Дополнительное чтение социологической литературы натолкнуло ее на книгу об улучшении жизни в небольших городах — о зеленых насаждениях, о любительских спектаклях и клубах для девушек. В книге были фотографии газонов и садовых изгородей во Франции, Новой Англии, Пенсильвании. Она взялась за эту книгу небрежно, с легким зевком, который с изяществом кошечки прикрыла кончиками пальцев.

Но вот она погрузилась в чтение, усевшись под окном, подобрав стройные, в тонких чулках, ноги и подперев коленями подбородок. Читая, она поглаживала атласную подушечку. Ее окружало изобилие украшений, затоплявших каждую комнату Бюджет-колледжа. Обитый кретоном диванчик в оконной нише, фотографии студенток, гравюра Колизея, маленькая жаровня и десятки подушечек, вышитых, отделанных бисером, разрисованных. Совсем не к месту казалась здесь миниатюра «Танцующей вакханки» — единственный след пребывания в этой

комнате самой Кэрл. Все остальное она унаследовала от прежних поколений учащихся.

Для нее этот трактат об улучшении жизни в городах был как бы частью окружающего ее мещанского быта. Но вдруг она перестала отвлекаться, целиком ушла в книгу и прочла ее до половины, прежде чем трехчасовой звонок позвал ее на урок английской истории.

Она вздохнула. «Вот и дело для меня после колледжа! Я примусь за какой-нибудь из этих городков в прериях и сделаю его прекрасным. Буду его вдохновительницей. Для этого, пожалуй, всего проще стать учительницей... но не такой учительницей, как они... Я не хочу тупой зубрежки... Почему на Лонг-Айленде все пригороды можно было превратить в сады? И почему ни одна душа не подумала о безобразных городишках здесь, на Северо-Западе? Тут знают только молитвенные собрания да детские библиотеки. Я заставлю разбить в городе бульвар, построю изящные коттеджи и проложу красивую Главную улицу».

С торжествующим видом сидела она на уроке, представлявшем собой типичное для Блуджета состязание между скучным преподавателем и непослушными двадцатилетними детьми. Победителем выходил преподаватель, так как его противникам приходилось отвечать на вопросы, тогда как их коварные ловушки он всегда мог обойти встречным вопросом: «А вы справлялись об этом в библиотеке? Нет? Тогда, может, попробуете справиться?»

Преподаватель истории раньше был священником. В этот день он был настроен саркастически. Он обратился к Чарли Холмбергу, поглощенному интересной заставкой:

— Ну, Чарльз, я, пожалуй, позволю себе прервать вашу, несомненно, увлекательную охоту за этой зловредной мухой и попрошу вас рассказать, что вы знаете о короле Иоанне!

Затем он в течение трех приятных для него минут убеждался в том, что никто из группы не помнит точной даты Великой хартии вольностей.

Кэрол не слушала его. Она заканчивала крышу над полукирпичным зданием городской ратуши. В городке нашелся один человек, не оценивший ее проекта извилистых улиц и аркад, но на заседании муниципального совета она разбила своего противника в пух и прах.

III

Кэрол плохо знала городки в прериях, хотя и родилась в Миннесоте. Ее отец, улыбающийся и небрежно одетый, ученый и насмешливо-ласковый человек, был родом из Массачусетса. Все годы ее детства он был судьей в Манкейто — городке, отнюдь не типичном для прерий; тенистыми улицами, живописным сочетанием белого и зеленого он напоминает скорее Новую Англию. Манкейто расположен между горами и рекой Миннесотой, близ Тропы Сиу, где первые поселенцы заключали договоры с индейцами, а похитители скота во весь опор удирали от гнавшихся за ними конных отрядов.

Карабкаясь по крутому берегу этой темной реки, Кэрол жадно слушала ее сказки о широких просторах Запада, о желтой воде и белых бизоньих костях; о пристанях, о поющих неграх и высоких пальмах на Юге — там, далеко, куда из века в век таинственно катятся эти воды. Кэрол слышала тревожный колокол и тяжелое пыхтение высокотрубных речных пароходов, шестьдесят лет назад терпевших крушения на песчаных отмелях. На палубе она видела миссионеров, игроков в высоких цилиндрах и дакотских вождей, закутанных в красные одеяла... Слышала далекие ночные гудки за излучиной реки и всплески воды под гребными колесами, отдававшиеся в соснах по берегам, видела отсветы на черной струящейся воде...

Семья Кэрол жила замкнуто, но не скучно. Рождество было праздником с сюрпризами и подарками; оно отмечалось импровизированными веселыми и смешными переодеваниями. Звери в домашней мифологии Милфордов были не гнусными ночными чудовищами, которые выскакивают из шкафа и пожирают маленьких девочек,

а доброжелательными быстроглазыми созданиями: это ручной «Теплячок», косматый и синий, он живет в ванной и быстро прибегает, если нужно согреть маленькие ножки; ржавая керосинка, которая мурлычет и знает всякие истории; «Поскокиш», готовый поиграть с детьми до завтрака, если они выпрыгнут из кроваток и закроют окно при первых звуках той песенки, что напевает отец, когда бредется.

Согласно педагогическим принципам судьи Милфорда, дети могли читать все, что им заблагорассудится, и в его библиотеке с коричневыми обоями Кэрол поглощала Бальзака и Рабле, Торо и Макса Мюллера. Буквы отец показывал им по корешкам энциклопедии. Случалось, вежливый гость осведомлялся, как подвигается умственное развитие «малюток», и бывал ошеломлен, когда дети с серьезнейшим видом начинали твердить: «А-Ант, Ант-Аус, Аус-Бис, Бис-Ван, Ван-Вас».

Мать Кэрол умерла, когда девочке было девять лет. Года через два отец отказался от судебной деятельности и переселился с семьей в Миннеаполис. Еще через два года умер и он. Старшая сестра Кэрол, суетливая, щедрая на советы, стала для нее чужой еще в то время, когда они жили под одной кровлей.

Свободе этих ранних грустных и веселых дней и независимости от родственников Кэрол была обязана своим постоянным стремлением отличаться от торопливых, деловитых, пренебрегающих книгами людей. У нее выработалась привычка оставаться сторонним наблюдателем их суеты даже тогда, когда она сама принимала в ней участие. Но, избрав своим поприщем планировку городов, она с удовлетворением отметила, что сама готова теперь стать быстрой и деловитой.

IV

Через месяц честолюбивые планы Кэрол потускнели. Она опять сомневалась, стоит ли ей идти в учительницы. Ей казалось, что у нее не хватит сил тянуть повседневную

лямку. Она не могла представить себе, как она будет стоять с мудрым и решительным видом перед ухмыляющимися детьми. Но желание создать прекрасный город в ней сохранилось. Встречая заметку о женских клубах в маленьких городах или фотографический снимок какой-нибудь уходящей вдаль Главной улицы, она испытывала чувство смутной тоски и обиды, словно у нее отнимали любимую работу.

По совету преподавателя английского языка она остановилась на изучении библиотечного дела в одной из школ Чикаго. Ее воображение яркими красками рисовало ей новый план. Кэрол видела, как она уговаривает детишек читать чудесные сказки, помогает молодым людям выбирать книги по технике, вежливо беседует со стариками, нетерпеливо требующими газет. Она светоч библиотеки, непререкаемый литературный авторитет; ее приглашают на обеды с поэтами и путешественниками, она читает доклад на собрании выдающихся ученых...

V

Последний факультетский бал перед актовым днем. Через пять дней их завертит вихрь выпускных экзаменов.

В дом ректора навезли пальм, придавших ему вид благопристойного похоронного бюро, а в библиотеке, небольшой комнате с глобусом и портретами Уитьера и Марты Вашингтон, студенческий оркестр играл отрывки из «Кармен» и «Мадам Баттерфляй». От музыки и мыслей о скором расставании у Кэрол кружилась голова. Пальмы казались ей джунглями, свет электрических лампочек под розовыми абажурами превращался в опаловое сияние, а сверкающий очками факультетский совет представлялся ей сонмом олимпийцев. Ей было немного грустно при виде бесцветных девиц, с которыми она «всегда собиралась подружиться», и десятка молодых людей, готовых влюбиться в нее.

Но поощряла она только Стюарта Снайдера. Он выглядел гораздо мужественнее остальных. Смуглый, почти

такого же теплого коричневого тона, как его новый, купленный готовым, костюм с подложенными плечами. Она сидела со Стюартом за чашкой кофе и пирогом с курятиной возле груды преподавательских галош в гардеробной под лестницей, и когда до них долетела заглушенная музыка, он прошептал:

— Просто невыносимо так вот расстаться после этих четырех лет... самых счастливых лет в жизни.

Ей было понятно его чувство.

— О да! Подумать только, что через несколько дней мы разведемся и со многими из наших никогда больше не увидимся.

— Кэрол, вы должны выслушать меня! Вы всегда увильваете, когда я пытаюсь поговорить серьезно, но вы должны меня выслушать. Я стану видным адвокатом, может быть, судьей, и вы мне нужны, я оберегал бы вас...

Его рука охватила ее плечи. Вкрадчивая музыка усыпила в ней чувство независимости.

— Вы заботились бы обо мне? — грустно спросила Кэрол.

Она коснулась его руки. Рука была горячая и крепкая.

— Еще бы! Мы бы... о боже мой, мы бы чудно жили с вами в Янктоне — я там решил обосноваться...

— Но и я хочу избрать себе какое-нибудь занятие в жизни...

— Устроить уютный дом, растить славных ребятишек и водить знакомство с приятными семьями — может ли быть занятие лучше?

Это был извечный ответ мужчины женщине с беспокойным духом. Так говорили продавцы дынь с юной Сафо. Так говорили военачальники с Зенобией. И точно так же в сырой пещере среди обглоданных костей косматый поклонник убеждал защитницу матриархата. И Кэрол словами Бюджет-колледжа, но голосом Сафо ответила:

— Конечно. Я знаю. Это, пожалуй, верно. По правде сказать, я люблю детей. Но есть столько женщин, которые могут заниматься хозяйством, а я... Ведь, окончив колледж, хочется применить свои знания для общей пользы.

— Я понимаю, но вы можете использовать их с таким же успехом дома. И право же, Кэрол, только представьте себе, как мы ясным весенним вечером с детворой сдем в машине на пикник...

— Да-а...

— Или зимой на санках, или ловим рыбу...

Тра-ла-ла-ла-ла!.. Оркестр вдруг грянул «Солдатский хор», и она запротестовала:

— Нет-нет! Вы страшно милый, но я хочу что-нибудь делать. Я сама себя не понимаю, но я хочу... всего, всего на свете! Может быть, я не способна петь или писать, но я надеюсь, что могу много сделать, работая в библиотеке. Представьте, вот я помогла в занятиях какому-нибудь юноше, и из него вышел великий художник! Я хочу! Непременно! Во что бы то ни стало я этого добьюсь! Милый Стюарт, я не могу ограничить себя мытьем посуды!

Еще две минуты, две томительные минуты, и их уединение было нарушено смущенной парочкой, также искавшей идиллического убежища в каморке для галош...

После выпускного акта она больше не видела Стюарта Снайдера. Она писала ему раз в неделю — в течение месяца.

VI

Кэрол провела год в Чикаго. Ее занятия по каталогизации, регистрации, работе со справочниками были легки и не слишком снотворны. Она наслаждалась Институтом искусств, симфонической и камерной музыкой, театром и классическим балетом. Она чуть не бросила библиотечное дело ради того, чтобы самой приобщиться к сонму юных дев, танцующих в газовых пачках при лунном свете... Она побывала на вечеринке в настоящей художественной студии — с пивом, папиросами, стрижеными девицами и какой-то русской еврейкой, певицей «Интернационал». Нельзя сказать, чтобы присутствие Кэрол было замечено представителями богемы. Она оробела,

почувствовала себя невеждой и была шокирована свободой манер, к которой годами стремилась. Но она слышала и запомнила споры о Фрейде, Ромене Роллане, синдикализме, о Всеобщей конфедерации труда, о феминизме и подневольном положении женщины, о китайской лирике, национализации горной промышленности, «Христианской науке» и рыбной ловле на Онтарио.

Она ушла домой, и это было начало и конец ее жизни среди богемы.

У мужа ее сестры был родственник, который жил в Уиннетке, и однажды в воскресенье он пригласил ее на обед. Обрато она шла через Уилмет и Эвенстон, открывала там новые формы пригородной архитектуры и вспоминала свою мечту о возрождении маленьких городов. Она даже решила оставить работу в библиотеке и неким чудом — она сама не знала каким — превратить один какой-нибудь городок в живописное скопление староанглийских домиков и восточных бунгалю.

Но на следующий день ей пришлось читать на библиотечных курсах реферат на тему о собирательном индексе; она так увлеклась прениями, что забыла про планировку городов и осенью очутилась в публичной библиотеке Сент-Пола.

VII

В сент-польской библиотеке Кэрол работала без уныния, но и без особого подъема. Мало-помалу она должна была сознаться себе, что не оказывает влияния на человеческие жизни. Вначале при общении с читателями она выказывала усердие, которое могло бы сдвинуть горы. Но эти упрямые горы вовсе не хотели, чтобы их сдвигали! Когда она работала в зале периодики, читатели не просили ее указать им статьи о каких-либо высоких материях. Они только бурчали: «А есть у вас „Кожевенное дело“ за февраль?» Когда же она дежурила на выдаче книг, просьба, с которой к ней обращались, звучала чаще всего

так: «Дайте мне что-нибудь поинтереснее про любовь — мой муж уезжает на неделю».

Кэрол нравились ее сослуживцы, она гордилась их деятельностью. Она прочитала кипы книг — только потому, что они попадались под руку, — чуждых ее легкой, подвижной натуре: тома по антропологии со множеством напечатанных мелким шрифтом подстрочных примечаний, парижских имажистов, индийские рецепты приготовления соуса карри, описания путешествий на Соломоновы острова, теософию с современными американскими новшествами, исследования о доходности недвижимого имущества.

Она много гуляла, уделяла внимание туфлям и диете. И все-таки никогда не чувствовала, что живет.

Она ходила на танцевальные вечеринки и ужины к знакомым по колледжу. Иногда сдержанно танцевала уап-степ, иногда же в тоске по проходящей мимо жизни плясала, как вакханка, сверкая глазами, вытянув шею и быстро скользя по комнате.

За три года работы в библиотеке мужчины неоднократно оказывали ей настойчивое внимание: кассир меховой фирмы, учитель, репортер, мелкий железнодорожный служащий. Никто из них не вызывал у нее интереса. Долгие месяцы ни один мужчина не выделялся из массы. Потом у Марбери она встретила с доктором Уилом Кенникотом.

ГЛАВА ВТОРАЯ

I

Когда в воскресенье вечером Кэрол брела на ужин к Марбери, она чувствовала себя грустной, слабой и одинокой. Миссис Марбери была соседка и приятельница сестры Кэрол, а мистер Марбери — разъездной агент страхового общества. Их дом славился бутербродно-салатно-кофейными ужинами, а на Кэрол хозяева смотрели как

на представительницу искусства и литературы. Только она способна была оценить граммофонную пластинку Карузо или привезенный мистером Марбери из Сан-Франциско китайский фонарь. Кэрол видела, что Марбери очарованы ею, и потому находила их очаровательными.

В этот сентябрьский воскресный вечер на ней было кружевное платье на бледно-розовом чехле. Недолгий сон стер легкие линии усталости вокруг ее глаз. Она была молода, наивна и возбуждена вечерней прохладой. Сбросив пальто на стул в передней, она влетела в зеленую плюшевую гостиную. Хозяева и гости старались поддерживать оживленный разговор. Она увидела перед собой мистера Марбери, школьную учительницу гимнастики, управляющего местным отделением Северной железной дороги, молодого адвоката. Но был тут также и незнакомый ей человек — грузный, высокий мужчина лет тридцати шести или семи, с тусклыми каштановыми волосами, властным ртом и добрым взглядом, внимательно следившим за всем окружающим. В одежде его не было ничего примечательного.

Мистер Марбери прогудел:

— Кэрол, подите сюда и познакомьтесь с доком Кенникотом, доктором Уилом Кенникотом из Гофер-Прери. Он производит все освидетельствования при страховании в этом медвежьем углу и, говорят, умеет неплохо и лечить!

Пробираясь к незнакомцу и бормоча невнятное приветствие, Кэрол припомнила, что Гофер-Прери — городок с тремя тысячами жителей среди пшеничных полей Миннесоты.

— Рад познакомиться, — сказал ей доктор Кенникот.

У него была сильная рука с мягкой ладонью. На тыльной стороне кожа огрубела, и на ее красном загаре выступали золотистые волоски.

Он посмотрел на Кэрол с каким-то приятным удивлением. Она высвободила руку и пролепетала:

— Мне надо на кухню — помочь миссис Марбери.